Моск. Комсомолец. – 2001. – 12 янв. с. 8.

Надо сказать, что иная кандидатура в качестве бенефицианта для первого в новом веке и новом тысячелетии выпуска "ЗД", кроме г-на Макаревича, даже в голову не приходила. Все-таки "Машина Времени" – не просто рок-механизм, бесперебойно и, главное, продуктивно работающий 30 лет кряду, а самый настоящий гиперсимвол эпохи, которую мы проводили восвояси пару недель назад.
Со свойственной ему в повседневной жизни искрометной непосредственностью (на сцене он более академичен и разборчив в выражениях) Андрей Макаревич предварил начало нашего с ним разговора разудалой сентенцией "Понеслось говно по трубам". Нет, видать, не для красного словца была выбрана столь игривая форма. Случайно Макаревич ничего не скажет. Он не разбрасывается фразами. Просто ха-ха – не его стиль и образ мышления. Как истинный поэт он дорожит словами и не признает пустой или неосмысленной болтовни. Так что беседе был задан явный философский посыл, в глубинном смысле которого – мол, где "говно", а где "трубы" – нам сегодня, видимо, и предстоит разобраться.

Артур ГАСПАРЯН.

Андрей Макаревич сейчас...

...и тогда.

НАЗАД В БУДУЩЕЕ

Последнее интервью Андрея Макаревича. Аминь?

■ Надо сказать, что ты со свойственным тебе везением очень удачно ко мне попал, – **не дожидаясь положенного по протоколу первого вопроса от журналиста, начал Андрей Макаревич**, – потому что с нового года я собираюсь прекратить общение с прессой и должен был об этом как-то заявить. "МК" – очень удобная трибуна, поскольку, как ни верти, а газета одна из самых читаемых. Вот эта стабильность меня заставляет снять шляпу. Если нам понадобится какую-то информацию сообщить человечеству, то журналисты будут отныне это делать через пресс-агента, которого мы заведем. На мой взгляд, с журналистикой происходит что-то страшное. Пришло какое-то новое поколение невероятно безграмотных и удивительно самонадеянных людей, которые считают, что то, чем они занимаются, вот это журналистика и есть. Разубеждать каждого из них в отдельности у меня нет ни сил, ни времени, ни желания. Поэтому если они хотят писать всякую херню, то пусть это делают без нашего участия. Даже если это по нашему поводу.

■ **Спасибо, конечно, за лестности в наш адрес. Но все-таки как верный солдат журналистского сословия, ползавший пару раз под большевистскими пулями, не могу не заметить, что ругать прессу – любимейшее занятие заскорузлых политиканов. Все беды страны они на прессу свалили. И ты туда же? Ушам своим не верю...**

■ Ни в коем разе. Я не виню прессу во всем. Я виню ее только в том, что она деградирует на глазах, а другой прессы у нас, к сожалению, нет. Еще недавно все четко разделялось – желтая пресса и не желтая, а сейчас эта граница стала практически неразличимой.

■ **Сия драматизация представляется немного чрезмерной, но, видимо, какая-то капля переполнила чашу твоего великотерпения. Поделишься?**

■ Ну, несколько штук. В одной газете, например, выходит интервью с известным рок-энциклопедистом Артемием Троицким под названием "Опостылевшие юбилеи". Мысль заключается в том, что рок-музыка деградировала окончательно, и у престарелых музыкантов последняя попытка чем-то привлечь зрителя – это придумать себе всякие дни рождения, потому что на них просто так уже никто не пойдет. А если есть что интересное в нашей рок-музыке сегодня, так это Дельфин. Мало того что Артемий Троицкий, который был, в общем, моим старым товарищем, ни слова не сказал про "Машину Времени", но газета помещает над статьей, где о нас ни слова, нашу большую фотографию, и автоматом каждое слово проецируется прямо на эту картинку. После этого они присылают в день концерта ко мне мальчика-журналиста, чтобы я как бы высказал свою точку зрения. Мальчик посылается с советом взять еще одно интервью у Артемия Троицкого. И вот таких штук было несколько. Ну с какого хера, собственно говоря? Это жутко обидно.

■ **Хотелось бы этой встречей обозначить на стыке эпох знаковые рубежи нашей рок-истории, к которым "Машина Времени" имеет самое прямое отношение. Обращаясь в туманное прошлое, можно вспомнить, что с самого начала в текстах группы сквозил непозволительный для 70-х годов сарказм по поводу жизненного уклада и общественных устоев того времени. Откуда вы такие смелые появились – и не страшно ли было?**

■ Нет. Страшно было моей маме. Очень было унылое время... В том, как я смотрю на мир, я, наверное, в самой большой степени обязан своему отцу. Он был членом партии (тогда в СССР была одна партия: КПСС. – **Прим. "ЗД"**) и одно время даже был членом партбюро Архитектурного института. У него был необыкновенно чистый, где-то даже детский взгляд на вещи. Он никак не мог понять: почему, если мы живем в стране самого передового учения, вокруг все такое некрасивое? Почему такие некрасивые машины, конверты для писем, одежда в магазинах?.. Он это не понимал. Он сам не мог провести некрасивую линию от природы. Это было неприятие социалистической жизни на эстетическом уровне. У нас в доме всегда играла музыка: он любил джаз, которого у нас практически не было, он покупал пластинки Рахманинова... Единственным окошком в мир были пластинки "Вокруг света", в которых были обязательно песни "социалистических друзей" – болгарские, польские, гэдэрешные, – и вдруг появлялась одна английская или американская, Гарри Белафонте например... И тем не менее, когда отец принес пластинку "Битлз" и сказал: "Вот послушай, болван, что в твоем возрасте ребята делают!" – появилось ощущение, что у меня просто вынули вату из ушей.

■ **Потрясающий у тебя был отец! Даже трудно представить, что в 60-е годы могли быть отцы, да еще члены партбюро, которые заставляли своих детей слушать "Битлз"...**

■ Ну, заставил он меня один только раз – потом заставлять было не надо. И вся остальная наша эстрада показалась такой тухлой, такой нечестной, какой-то ватной. Это был 68-й год, начало 69-го. Тут же мы кинулись делать группу.Возникло безумное желание что-то делать такими же средствами. Все остальное было задвинуто на десятый план: девушки, работа...

■ **Архитектурный институт?..**

■ Архитектурный институт интересовал, поскольку я рисовал. Я не хотел подводить отца. Я его очень любил и продолжал хорошо учиться невероятными усилиями. И тогда меня выгнали за музыку, а не за плохую успеваемость. Но потом восстановили, и я его закончил. А дальше все происходило постепенно. Я помню, как нас не приняли в бит-клуб. Был такой комсомольский бит-клуб в Москве. Крохотное помещение, подвал какой-то... Это было единственное место, где устраивались концерты всяких групп. Уже были "Скоморохи", "Скифы" – миллион команд было. Мы попросились, приехали на прослушивание. У нас был единственный усилитель – он сгорел на третьей песне. Мы ужасно выступили. Это был 71-й год. Те самые люди, на которых мы молились, – сказали: "Очень плохо мальчики поют, играют невнятно". Единственным человеком, который за нас заступился, был Градский. Он сказал: "Все козлы, а они активные, в них есть скоморошье начало".

■ **Что вы играли тогда?**

■ "Солдат", "Мой первый путь", "Продавец счастья". Было несколько юношеских суицидальных песен. В общем, что мы тогда играли, понять было нельзя – это только нам было слышно и понятно. Градский нас очень обнадежил – мы с ним дружили долгие годы и продолжаем дружить. Потом несколько лет мы репетировали в одной комнате вместе со "Скоморохами", с "Арсеналом" – мы часто встречались, давали друг другу какие-то усилители, Градский нам объяснял, как можно петь, а как нельзя петь, что такое неправильное голосоведение. Мы с уважением выслушивали, но пели по-своему. Стас Намин объяснял нам, что кроме "Битлз" есть современная музыка – есть "Крим", есть Джими Хендрикс, который играет агрессивнее, – открывал нам глаза на что-то новое. Фокин нам открыл глаза на "Лед Зеппелин". Это был процесс очень активного обучения.

■ **На что же вы рассчитывали? Ведь прекрасно понимали, что происходит вокруг, равно как и то, что этот самый "комсомольский бит-клуб" – лишь кагэбэшная уловка, чтобы держать под колпаком вольнодумную рок-н-ролльную тусу, а отнюдь не развивать таланты и свободу творчества?..**

■ Я это понял чуть позже. Мы ни на что не рассчитывали. Мы были абсолютно убеждены, что Брежнев проживет 600 лет, как библейский персонаж, и что советская власть не кончится никогда. А если и кончится, то не при нашей жизни. Поэтому не строилось никаких иллюзий. А занимались мы этим только потому, что не могли не заниматься. Это был наркотик...

■ **Не пугали даже психушки и лагеря, куда вас запросто могли отправить?**

■ На самом деле тогда посадили только одного Лешку Романова, и то позже. И Юру Айзеншписа. А так всех вязали и отпускали. Это стало привычным. Довольно быстро мы научились разговаривать с "органами". Знали, на что отвечать, на что – нет. Конечно, было противно, но это воспринималось как данность.

■ **Говорят, тогда даже следили за рок-музыкантами, как за шпионами...**

■ Пасли очень строго. Несколько лет назад я выпивал в каком-то клубе. Ко мне подсел мужик, ненамного старше меня, и сказал, что в те годы в КГБ он вел наше дело. Но поскольку ему очень нравилась наша музыка, то, насколько было в его силах, он это тормозил. Я ему сначала не поверил. Но он привел такие факты, что я понял: он не врет.

■ **А собственно в те годы эта слежка как-то проявлялась?**

■ Да. С телефоном был гениальный номер. У меня слушался телефон в режиме прямой прослушки. А человек сидел ленивый – он, похоже, частенько отходил то попить, то пописать, то поесть... И когда он отходил, то соединения не происходило. Я жду звонка – телефон звонит; я трубку снимаю – а телефон продолжает звонить... Меня это страшно бесило: раз слушаешь, ну уж сиди на месте! А меня знакомые электронщики научили: возьми, говорят, проводок, один кончик – в розетку, один – на клемму телефона: у них там все сгорит. Я так и делал пять раз на дню. Через три дня у меня телефон вообще замолчал. Я вызываю мастера – он пришел, посмотрел, вышел на лестницу, возвращается с вытянутой мордой: у тебя, спрашивает, врагов нет?.. Оказалось, из общего кабеля мой проводочек выдернут, и вырезано из него метра три. Дали знать: мол, не балуй. Но самое смешное, что и слушать перестали с того дня...

■ **Эти "рыцари плаща и кинжала" всегда оставались невидимы или приходилось с ними сталкиваться лицом к лицу?**

■ Уже в конце 70-х, после передачи про нас "Голоса Америки" и пары программ Севы Новгородцева по Би-би-си, к нам приставили товарища. Был это Лазарев Александр Иванович, инструктор горкома партии. На самом деле нам с ним повезло. Он оказался человеком нормальным, интеллигентным – в общем, понимал, что происходит, и понимал, что глупо нас расформировывать, потому что нельзя расформировать то, чего не существует ("Машина Времени" не состояла на службе ни в одном госучреждении, а потому по советским законам считалась несуществующей. – **Прим. "ЗД"**). На самом деле он просто очень хотел скинуть нас со своих плеч на другие. Может быть, поэтому в итоге мы оказались в штате эстрадного Театра комедии и гастролей, потому что было понятно, что, как только мы станем артистами театра, за нас будет отвечать уже другое ведомство. Вот он нам в этом и помогал. Мы оказались в театре, худо-бедно там просуществовали около года, а театр этот принадлежал Госконцерту. Тут на носу Олимпиада, послабления какие-то, иностранцы приехали... Дико нам помог Дима Линник – спасибо ему огромное! – который работал на "Radio Moscow World Service" (зарубежная служба советского радио, вещавшая на средних и коротких волнах. – **Прим. "ЗД"**) и крутил нас с утра до ночи. Никто это радио не проверял: все думали, что оно работает как бы для иностранцев, а слушали-то его все у нас... Тут Росконцерт решил пойти на отчаянный шаг и попробовать нас взять в штат работать.

Министром культуры тогда был композитор Флярковский, который, видимо, к нам очень хорошо отнесся заочно. Мы прошли прослушивание и получили тарификацию (советская мулька для начисления зарплаты артистам. – **Прим. "ЗД"**) в один день. Со всей нашей программой. Случай беспрецедентный. Нас не заставили даже разучивать песни советских композиторов ("советскими композиторами" назывались члены Союза композиторов, и все официально работающие коллективы в обязательном порядке исполняли только их песни. – **Прим. "ЗД"**). Мы поехали на гастроли – полные Дворцы спорта! Тут же случился фестиваль в Тбилиси – мы получили первое место. В общем, какая-то волна триумфа пошла. В Питере мы в 81-м году отыграли 21 концерт в "Юбилейном" – Дворце спорта – подряд. 21 аншлаг за две недели! Может быть, это можно было занести в Книгу рекордов Гиннесса...

■ **"ЗД" тогда нарадоваться не могла на происходящее, и "МК" опубликовал – впервые в советской прессе – огромную статью о "Машине Времени". Называлась она, кажется, "Поворот". После чего тогдашнее руководство газеты сильно огребло по башке, и цензура закрыла тему "МВ" на несколько лет...**

■ Олимпиада просвистела – гаечки стали снова закручивать. Середина 80-х была очень тяжелой. Несколько месяцев мы сидели на так называемом "репетиционном периоде" – без копейки денег, без гастролей. Нам назначали бесконечные прослушивания. Мы кидались за помощью, звонили Саульскому, Евтушенко, Алле Борисовне, Иосифу Давыдовичу... Они приходили, мы играли на тихом, противном звуке программу. Они говорили хорошие слова, после этого гендиректор Росконцерта говорил: "Спасибо вам, товарищи. А у нас свое мнение – мы думаем, что надо еще повременить".

■ **И не помогло даже то, что вы исполнили песню члена Союза композиторов Юрия Саульского "Два белых снега", пошли, так сказать, на компромисс?**

■ Это вызвало только злобу остальных членов Союза композиторов. Их ведь было много у кормушки-то.

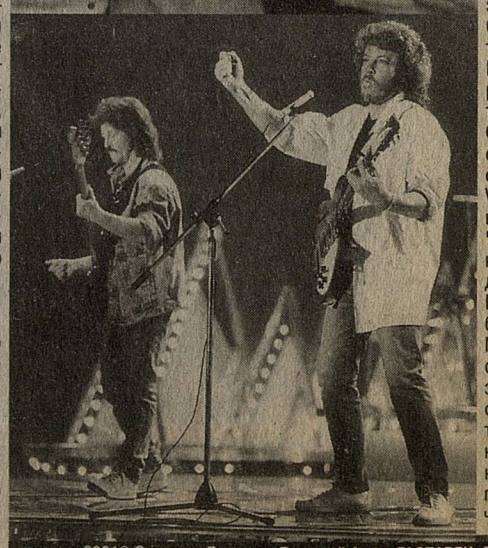
■ **У кормушки?..**

■ Конечно. Здесь дело было уже не в идеологии, а в деньгах. Это они были инициаторами всех черных списков, постановлений правительства. Вдруг они поняли, что их авторские каким-то образом иссякают и начинают поступать каким-то непонятным лоботатым людям, которые даже музыкального образования не имеют... Я очень хорошо помню, как очередной худсовет "Мелодии" – уже после фестиваля в Тбилиси, когда было уже обещано, что выйдет пластинка, – мы принесли фонограмму. Обычно на худсовет приходит 10–12 членов. Было 50 человек. Были сторонники, противники... Фрадкин сидел, молчал, молчал, потом сказал: "Скажите, а вот этот их руководитель – он что по профессии?" "Архитектор", – сказали ему. "Вот пусть идет и занимается архитектурой. Музыка – для профессионалов, а не для дилетантов". На этом худсовет закончился. Идеология – очень удобная дубина. Все зависит от того, кто возьмет ее в руки. Ею можно прикрыть любую затею. Но деньги всегда были деньгами, хлеб был хлебом...

В Москву нас пустили в результате уже при Горбачеве – в 86-м году, в сетуньский Дворец спорта, и то потому, что мы решили поддержать материально чернобыльцев, поэтому нельзя было не разрешить.

■ **Что вас поддерживало в те годы? Что помогло не сломаться, не плюнуть на все и не уехать, допустим, как Солженицын?**

■ До попыток уехать дело не дошло, хотя иногда желание было сильным. Мне очень жалко было своих родителей. У меня было ощущение, что это еще не тот предел, когда можно сжигать все мосты. А поддерживала нас очень простая вещь: мы все страшно разные люди, но нас объединяет одно – мы можем заниматься только тем, что любим. Мы лучше не будем делать ничего. Вот так: лень и вера нас поддержали...



Полностью интервью Андрея Макаревича, содержащее самые невероятные подробности его жизни и творчества, будет опубликовано на CD в специальной серии "Народный фэн-клуб". Этим необычным коллекционным изданием из 10 дисков "ЗД" задумала отметить собственное 25-летие. Юбилей, как все помнят, разыгрался на страницах "МК" 25 октября 2000 года и сопровождался публикацией Зала славы "ЗД", куда вошли 46 имен и 21 группа, внесшие самый видный вклад в становление и развитие отечественной поп- и рок-музыки. Звуковые интервью со многими из этих легендарных персонажей составят основу уникального проекта, который можно назвать бесценным звуковым документом эпохи. О работе над этим проектом "ЗД" будет сообщать регулярно.

2001© Звуковая Дорожка. Ведущий Артур ГАСПАРЯН. Персоналии: Илья ЛЕГОСТАЕВ (корр.), Артем ПЛАТОНОВ (верстка), Александр АСТАФЬЕВ, Геннадий АВРАМЕНКО (фото).